

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

**ПРОКЛЯТИЕ ЧЁРНОГО
ЕДИНОРОГА**

**ТАЙНА ЧЁРНОГО
ВОЛКА**

Продолжение следует...

ЕВГЕНИЯ
ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ

ТАЙНА ЧЁРНОГО ВОЛКА

Freedom

МОСКВА
2024

ТРЕТЬЯ
КАРТИНА

▼
МЕРТВАЯ
ВОДА

ИНТЕРЛЮДИЯ

Во времена изначальные распался Единый Предвечный Источник Жизни на неисчислимых сыновей и дочерей. Те в свою очередь породили других детей. А они передали частицу Создателя собственным творениям — соткали плоть миров и вдохнули в них жизнь. А назвали они себя Старшими, или богами.

Поддерживали Старшие сыны бесконечное вращение и миров сотворение. А Старшие дочери сохраняли сотворенное в вечности незыблемо. Создали боги множество форм и образов по подобию своему, способных творить и размножаться самостоятельно.

Научили они детей своих мыслить и чувствовать, дали им слово как силу связующую и бесчисленные имена, обозначающие их задачи. Создали боги и проявили для их понимания науки, искусства и ремесла разные. Заповедовали они хранить миры свои в драгоценном единстве.

6

Рука об руку шли сыновья и дочери Старших, будучи частью Единого, но обретя каждый одну из сил божественных. Стали они могучими хранителями миров.

ПРОЛОГ. ТРОЕ

Мглистые и безмолвные просторы междумирья окружали его. Иногда пустота перемежалась сферами, окутанными голубой дымкой, а порой — мрачными пластами. Изредка тьма вдруг расцветала радужным светом. Но большая часть его пути пролегла в пустоте, бездонной и бесконечной.

Это странствие было долгим. И странник устал. Он не спал целую вечность — не спал, чтобы не видеть кошмаров.

Память, хранившая образы миров, бесчисленных встреч и расставаний, единений и потерь, долгое время молчала... Он было поверил в то, что пустота наконец даровала его душе желанное забвение. Но затем тьма междумирья сделалась невыносимой, а сияние, исходящее от миров, — болезненно слепящим.

Он ощутил неодолимую усталость и потребность в отдыхе — в отдыхе от бесконечного бега... и от пустоты. Силы подходили к концу. И скорбя-

щей душе пришлось подчиниться зову ослабленной плоти.

Жажда бытия взяла свое. Он устремил взор на вращающиеся сферы. Он заставил себя отвернуться от тьмы и прямо взглянуть на свет. В тот же миг сияние вдруг перестало слепить его, сделавшись мягким и приветливым.

— *Услышь меня, друг,* — уловил он отчетливый зов. — *Обращаюсь к тебе, где бы ты ни был...*

— *Слышу тебя, старый друг,* — откликнулся он. — *И безмерно рад твоему свету.*

— *Тогда прошу, о сын Солнца,* — прозвучал голос, — *сложи на время свои крылья и стань моим дорогим гостем.*

— *С радостью я принимаю твое приглашение,* — ответил он. — *И надеюсь, что не в горе ты вновь взываешь ко мне.*

— *Не в горе, но и не из праздности,* — сказал голос. — *Признаю, мне нужна твоя помощь...*

— *Да будет так,* — согласился странник.

В подземных казематах царствовали могильный мрак и тишина. В затхлом воздухе таилось нечто такое, что не давало расплодиться ни тараканам, ни крысам. Даже пауки не смели ткать паутин под узкими сводами потолков. Лишь свет факелов плясал на покрытых соляными разводами стенах да эхо тяжелых шагов разносилось вдоль коридоров.

Гварджи Оард кивнул стражникам, и те с трудом отперли скрипучие, давно не использовавшиеся засовы. Выйдя на лестницу, они спускались по ней — все ниже и ниже, — пока не достигли последнего этажа. Здесь находились одиночные камеры для особых узников.

В стране, где казнь была обычным делом, самым страшным преступникам оставляли жизнь. Не всегда смерть могла стать высшей мерой наказания, поэтому негодяев обрекали на пожизненное *одиночество*. У них не было даже охраны, а все нужды удовлетворялись посредством продуманных шахт.

Большая часть камер пустовала. Узники недолго протягивали в них. Мало кто из людей мог выдержать подобное наказание. Однако заключенный, интересовавший капитана, был особенным. И Гварджи Оард желал узнать, правдой ли было то, что говорилось о нем в документах.

Глухо закрылась дверь за его спиной, щелкнул замок. Полицейский остался один на один с опаснейшим из преступников, злостным убийцей и поджигателем, и со своими еще более опасными надеждами.

— А-а, — прошелестел голос из темного угла камеры. — Десять? Не-ет, пятнадцать лоз... — Блаженный вздох. — Пятнадцать лоз и пятнадцать лет выдержки — ровесники по заточению. — Смешок. — Орех и ваниль... Божественно...

— Что ты такое говоришь? — спросил капитан полиции, ничем не выдав замешательства.

Удивляться сейчас должен был не он, а заключенный, впервые за долгие годы увидевший живого человека. Однако все вышло наоборот. Гварджи Оард не-

сколько опешил. Он и вправду принес с собой бутылку коньяка, чтобы напомнить узнику о наслаждениях, ждущих его на свободе.

— В честь чего же такой праздник? — вопросом на вопрос ответил Луко Лобо.

Грязный и тощий, как бродячая собака, седой, но сохранивший гордую осанку, наемник вышел из тени и прищурился. Солнце, скупым столпом падавшее из световой шахты, было ему не в радость.

— А-а... — догадался он. — Амнистия никак?

— В порядке исключения, — вымолвил Гварджи Оард. — Если я так решу.

— Но-о? — протяжный рык вырвался из вонючей пасти того, кого прозвали Бешеным Волком.

Капитан извлек из кармана сложенный лист и аккуратно развернул его. На бумаге блеснул длинный светлый волос. Это была единственная улика, которую ему удалось обнаружить на месте убийства министра безопасности.

— Что скажешь?

Луко Лобо медленно приблизился и склонил голову. Поглядывая исподлобья на стража порядка, он повел носом.

— Цветы... — пропел он с придыханием. — Лимо-он... Жасми-ин...

— Эльф? — резко спросил Оард.

— Не-ет, — прошипел заключенный. — Челове-ек. Девуца. Молодая и...

Он вскинул голову. Его бледно-серые глаза неприятно блеснули, и капитан инстинктивно отшатнулся. Да, пятнадцать лет заключения свели бы с ума кого

угодно. Но мог ли он, Гварджи Оард, проработавший на королевской службе ровно в два раза дольше, использовать это сумасшествие во благо закона? Возможно ли было натравить одно чудовище на другое?

Оард достал бутылку коньяка и осторожно протянул ее заключенному, как будто отдавая кость больной заразной собаке. Луко схватил бутылку, откупорил и сначала принялся обнюхивать горлышко. Облизнувшись, он сделал первый глоток. Затем снова. И принялся пить янтарную жидкость с такой жадностью, что Оарду стало не по себе.

— Что еще? — спешно бросил он, пока его собеседник еще был способен ворочать языком.

— А-а? — Заключенный оторвался от нектара и недовольно глянул на капитана.

— Девица, — напомнил полицейский.

— Девка, — ухмыльнулся Луко. — С мужиком была накануне...

На этот раз Гварджи Оард уже не сумел сдержать удивления. Как мог обычный человек узнать такие подробности по одному только запаху?!

— Бреешь... — поморщился полицейский.

— ...А что с девкой? — напомнил ему Луко и, облизнувшись, снова прильнул губами к бутылке.

— Есть у нас еще одна камера, — медленно проговорил Оард. — Мы называем ее «колодец». Колодец очень узкий и расположен так глубоко, что свет до него не доходит...

— Не надо пугать меня, королевский служка, — фыркнул заключенный, брызнув орехово-ванильной слюной.

— А я и не пугаю, — скупно улыбнулся капитан. — Колодец дожидается девку, а тебя — амнистия. Если приведешь ее, конечно, — живой. Впрочем, мертвой — тоже можно. Не обижусь.

— Э-э, — вздохнул Луко, с сожалением стяхивая себе на язык последнюю каплю коньяка. — Ты хочешь, чтобы я, дикий волк, — и помогал самторийскому псу?

— Да, — глухо ответил Оард. — Мне нужна твоя помощь...

— Слышу отчаянье в твоем голосе, — мерзко улыбнулся захмелевший преступник. — Интересно, что за зверь такой твоя сучка?

— Сумеречная лиса.

Капитан полиции пристально глянул на заключенного. Нет, не показалось, в глазах Луко промелькнуло холодное пламя ненависти.

— Тебе ведь известно, кто такие сумеречные лисы, верно? — победно усмехнулся Оард.

Его собеседник вдруг зашипел и отвернулся, не то глубоко задумавшись, не то потеряв всякий интерес к разговору.

— Поможешь мне и проваливай из королевства... — немного выждав, предложил полицейский.

— Согласен... — раздался глухой ответ.

— Сумеешь взять след?

— Ага...

— А на тропу, — капитан понизил голос, — не забыл, как выходить? Серый волк...

Не говоря ни слова, заключенный сделал шаг в тень и растворился в сумрачной части камеры, словно бы его и не было здесь вовсе. Растворился, но далеко не

ушел, ибо камера была опутана аурами магов-мстителей. Тень же, в которой спрятался узник, никуда не вела. Она была рукотворной и плоской, плащ-невидимка — не более.

— Славно, — одобрил Оард. — В таком случае добро пожаловать в нашу самторийскую стаю, *вингенс* Луко Лобо.

— Да будет так, — глухо ответил заключенный, вновь выходя на свет.

Ее окружала тьма. Затхлый и душный мрак обнимал ее со всех сторон. Он давил с такой невероятной силой, будто был целой грудой камней. Словно стены маленького погреба, где девочка пряталась в детстве от пьяного отца, обрушились на нее вместе со всем их нищенским жилищем.

Уйдя в монастырь Единого, девочка заставила себя забыть тот дом. Прошлое никуда не делось. Оно осталось, но произошло с кем-то другим — не с ней.

В монастыре девочку любили. Ее никогда не обижали и не заставляли делать того, что могло причинить боль или стыд. Там она выросла, обрела новую семью и друзей.

Ее лучшая подруга — веселая хохотушка — обладала неунывающим нравом. Светлая улыбка не сходила с губ монахини даже во время болезни. Когда же смерть стерла с веснушчатых щек румянец и слизнула блеск с рыжих кос, улыбка подружки продолжила жить в сердце девушки.

Лишь помня ее и надеясь на новую встречу, монахиня перенесла боль и нечеловеческий страх, когда в стенах Норозша разверзлась Бездна. Писания утверждали, что после смерти все друзья и любимые воссоединятся в чертогах Единого.

Но... ни света Единого, ни чертогов Его монахиня не увидела. А потом начала блекнуть даже улыбка подруги. Драгоценные воспоминания будто подернулись туманом. Зато обрели плоть кошмары из детства: отец, дом, погреб и горе...

Священные писания врали! Не существовало никакого выхода в свет. Не было чертогов Единого. Не произошло воссоединения с подругой. Ее обманули и бросили тут одну! С монахиней остались лишь отчаяние и давящая тьма.

А была ли она монахиней? Она ли? Или уже кто-то другой? Была ли у нее подруга? И как же ее звали? Девушка не помнила — забыла.

И вдруг она ощутила некое движение, словно драгоценный воздух струился к ней сквозь слои земли. Однако то был не воздух, но *сила*. Монахиня попыталась вздохнуть и ощутила на губах привкус пепла. Затем она услышала голос, бесцветный и тяжелый.

— *Кто ты?* — спросил он.

«Я... не помню, — подумала девушка. — У меня нет имени... Меня больше нет...»

— *Тебя нет, но есть твои желания. Скажи, что ты хочешь?*

«Я хочу выйти из тьмы!» — воскликнула она.

— *Но зачем ты пришла сюда?* — продолжил голос.

БЕЗЫМЯННАЯ